

Научная статья

УДК 81'37

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.12

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПЕРСОНАЖА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ: ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Шаталова Ольга Васильевна

Институт филологии,

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина,

Елец, Россия,

shat_o_v@mail.ru

Аннотация. В статье делается попытка обоснования грамматического взаимодействия языков в речи персонажей художественной литературы — инородцев по отношению к русскоязычной культуре; на примере анализа речи нанайцев (гольдов), китайцев, японцев, представленной в произведениях В. К. Арсеньева, Н. П. Задорнова, П. А. Бляхина, выявляется системно проявляющаяся тенденция использования грамматических форм и синтаксических конструкций родного языка в русскоязычной речевой ситуации. Также высказывается гипотеза об амбивалентности идеи грамматической трансформации по отношению к русскому языку в его взаимодействии другими языками в условиях глобализации и поликультурности.

Ключевые слова: языковая личность; грамматика; синтаксис; инородцы; Арсеньев; Задорнов; поликультурная среда.

Для цитирования: Шаталова О. В. Проблема национальной идентификации персонажа художественного произведения: грамматический аспект. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. 2022; 46 (2): 132–142. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.12

Original article

THE PROBLEM OF THE LITERARY CHARACTER NATIONAL IDENTIFICATION: GRAMMATICAL ASPECT

Olga V. Shatalova

Institute of Philology,

Yelets State University named after I. A. Bunin,

Yelets, Russia,

shat_o_v@mail.ru

Abstract. This research attempts to substantiate the grammatical interaction of languages in the speech of literary characters, for example, foreigners in relation to the Russian-speaking

culture. On the example of the analysis of Nanai (Golds), Chinese and Japanese speech, presented in the works of V. K. Arsenyev, N. P. Zadornov, and P. A. Blyakhin, the article reveals a systematic tendency to use native language grammatical forms and syntactic constructions within the Russian-language speech framework. The author also suggests the hypothesis about the ambivalence of the idea of grammatical transformation in relation to the Russian language in its interaction with other languages in the context of globalization and multiculturalism.

Keywords: language personality; grammar; syntax; foreigners; Arsenyev; Zadornov; multicultural environment.

For citation: Olga V. Shatalova. The Problem of Literary Character National Identification: Grammatical Aspect. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic education*. 2022; 46 (2): 132–142. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.12

Современные условия развития социума во многом определяются тенденциями глобализации и интеграции, при этом вопрос национальной дифференциации культуры и национальной идентификации (а также самоидентификации) переходит в сферу психологии, социологии, политологии [1 и др.]. Интерес к говорящей личности обусловлен не только и не столько общей антропоцентрической направленностью науки конца XX – начала XXI в., сколько проблемами психолингвистического и социолингвистического характера, возникшими в связи с попытками полного нивелирования национально-культурных приоритетов, что парадоксально привело к обострению межкультурных отношений, вызванному «конфликтным характером взаимодействия представителей различных культур, разных ценностей и приоритетов» [2]. В сложившейся ситуации именно язык — как основное средство репрезентации личности — остается показательным фактором характеристики личности человека, мышления отдельной личности и общества в целом и позволяет на научно-прагматическом уровне оценивать возможности взаимодействия народов и толерантного сосуществования культур. Ведь особенности лексической и грамматической организации речи позволяют выявить психологические, интеллектуальные и духовно-нравственные качества личности, что является предметом исследования теории языковой личности [3; 4], а также гуманитарных исследований в целом.

Исследование языковой личности и попытки корреляции ее определенных аспектов производятся на различном материале: публицистических текстах, примерах повседневно-бытового общения, материалах популярных интернет-ресурсов, в контенте которых представлена речь современного носителя русского языка, и пр. Однако, несмотря на происходящие изменения в оценке приоритетов, константных параметров развития общества, художественная литература остается объективным релевантным источником «информации по проблеме национальной идентификации» [5, с. 47], которая обостряется в связи с процессами глобализации, причем требуется в том числе и пересмотр собственно понятий идентичности и идентификации [6].

Значимость характеристики принципов и категорий национальной идентичности и идентификации бесспорна, хотя в современной лингвистической науке нет достаточно системного арсенала средств для оценивания степени проявленности национальных и инациональных черт в структуре языковой личности. Материалом для исследования обозначенной проблемы могут выступать высказывания различного типа, однако особо показательной является форма репрезентации персонажа художественного произведения в тех случаях, когда в сюжете, представленном на одном языке, появляется персонаж, формально маркированный как носитель иных культуры и языка, но объективирующийся в тексте с использованием средств основного языка произведения. В филологической науке — в литературоведении — можно встретить обращение к отдельным особенностям речи подобных персонажей в рамках представления речевого портрета или частных аспектов речевой характеристики, рассмотрение же обозначаемой проблемы с позиций теории языковой личности отсутствует в современной лингвистике.

Историко-политическая конъюнктура развития России и поликультурность как основной фактор формирования и развития социума определили тот факт, что в русской национальной литературе представлен достаточно широкий спектр персонажей, говорящих по-русски, в речи которых явно выявляется инациональная ориентированность. При этом национальный состав населения территории России и сопредельных территорий, часто в разные исторические периоды входивших в состав государства, достаточно широко представлен нациями и народностями, в целом обозначающимися как восточные, что, несомненно, требует изучения.

Каноническая концепция теории языковой личности базируется на исследовании вербально-семантического и лексико-фразеологического уровней организации языковой личности [7; 3 и др.], прагматический и когнитивный уровни организации языковой личности исследуются несистемно в рамках общегуманитарного подхода — через анализ речевых и неречевых поступков [8; 9], без достаточной опоры на собственно языковые маркеры.

На наш взгляд, грамматико-синтаксический анализ речи персонажа художественного произведения позволяет существенно расширить спектр характеристик языковой личности, выявить дополнительные параметры национальной дифференциации и национальной идентификации личности при признании факта приоритетных (доминантных) конструкций и опоры на принципы частотности, функционально-коммуникативной обусловленности и семантико-прагматической валентности грамматико-синтаксических построений [10].

Репрезентация образов так называемых инородцев в художественной литературе происходит с опорой на речевые формы, которые, естественно, контрастируют с литературной (или даже диалектной) речью носителей русского языка. В качестве текстовой основы для исследования языковой личности носителя иной — не русской — культуры были взяты произведения, созданные

в различные историко-культурные периоды развития русской литературы, хотя хронологически достаточно близкие, что, на наш взгляд, обуславливает относительную объективность обобщающих выводов: В. К. Арсеньев «Дерсу Узала. Из воспоминаний о путешествии по Уссурийскому краю в 1907 году» — художественно-публицистическая повесть, имеющая документальную основу научно-исследовательской направленности, опубликованная в 1923 г.; П. А. Бляхин «Красные дьяволята» — приключенческая повесть идеологически-пропагандистского характера, изданная в 1922 г.; Н. П. Задорнов «Амур-батюшка» — исторический роман, созданный в 1941–1946 гг. Обобщающим критерием для отбора данных произведений стало наличие героев, играющих значительную роль в сюжетах, говорящих по-русски, но принадлежащих к российским — дальневосточным — инородцам: в произведениях В. К. Арсеньева и Н. П. Задорнова это нанайцы (гольды) и китайцы, герой П. А. Бляхина — китаец.

Тунгусо-манчжурские и сино-тибетские языки (как правило, в форме диалектов), особенно в зоне их ближайшего геокультурного соприкосновения, оказываются соотносимы между собой по отношению к русскому языку, принципиально отличающемуся от названных языков на всех уровнях своей организации. Именно этот аспект определяет тот факт, что герои-инородцы в художественных произведениях «говорят», искажая русский язык, проявляя самым явным образом свою принадлежность к другой национальности. Подобную форму языка можно охарактеризовать как некий трансформационный вариант русского языка, характеризующийся определенными разноуровневыми отличиями, или вслед за современными исследователями языков Приамурья обозначить как некий «русский пиджин — упрощенный язык-посредник, на котором нанайцы и удэгейцы общались с русскими» [11, URL]. В задачи нашего исследования входит выявление конкретных черт национальных языков в формируемом новом речевом контенте на базе русского языка.

Отличия проявляются в различных аспектах. Так, наиболее показательным средством национальной характеристики персонажа выступает фонетическая оформленность речи. (1) *Караша, капитана, моя твоя товалиса!* (Хорошо, капитан! Я твой товарищ) [12, URL]. (2) *Слюхай, капитана!* (Слушаюсь, капитан!) *Ай, никараша...* (Ай, нехорошо...) [12, URL]. Естественно предположение, что фонетическое несоответствие обусловлено отсутствием определенных звуков в родном языке говорящих, например таких как [ш'], [ш], [ч'], говорящий подбирает в соответствующей позиции звук родного языка, наиболее близкий по артикуляционным характеристикам к чужеродной фонеме.

Также ярко проявляется культурная специфика речи говорящей личности в лексике. (1) *Бедный старик. Бросил бы он эту бабу, делал бы **оморочку** [лодку] да кочевал бы на другое место...* [14, URL]. (2) *Тебе какой люди, тебе как чужой мед **карабчи** [украл]!* [14, URL].

Примечательно здесь то, что используются не какие-либо диалектные лексемы, которые можно было бы квалифицировать как экзотизмы, а именно

слова нанайского (гольдского) языка, которые имеют аналоги в русском языке и которые используются в речи при дефиците чужого лексикона.

Заметим, что фонетическая и лексическая трансформация речи как прием формирования образа инокультурной языковой личности используется достаточно широко не только в художественной литературе и анализируется в исследованиях филологической направленности [9, с. 160–161], но и в кинематографе, поскольку звуковая репрезентация позволяет легко квалифицировать речь как несоответствующую нормам внешней оформленности определенного языка. Также лексико-понятийное соотношение отдельных произносимых единиц позволяет носителю языка определять принадлежность конкретного слова «своему» или «чужому» языку. (Подобный подход позволяет, например, создавать искусственные: иностранные, инопланетные — псевдоязыки с какими-либо художественными и/или идеологическими целями).

Однако, на наш взгляд, наиболее реальным и показательным фактором квалификации языковой личности как иноязычной и инокультурной является грамматическая структура высказываний, поскольку грамматика языка служит специфическим каркасом, в который носитель языка автоматически встраивает лексические единицы: данный тезис легко иллюстрируется процессами адаптации заимствований. При использовании неродного языка говорящий, в зависимости от степени владения иностранным языком, естественно, использует «чужую» лексику в соотношении с грамматическими образцами родного языка. Особенно ярко данное явление прослеживается при сочетании языков разного типа в реализации одной языковой личности.

Так, персонажи художественной литературы, родным для которых является один из языков тунгусо-манчжурских или сино-тибетских языков, говоря на русском языке, используют специфические синтаксические конструкции. Например, Дерсу Узала — нанец, или гольд, главный герой одноименного произведения В. К. Арсеньева, большинство своих высказываний (в достаточно достоверной передаче автора) строит по синтаксическому образцу, характерному для нанайского языка [15; 11]: субъект — объект — предикат. (1) *Моя река ходи, хочу воды бери.* (Я к реке пойду) [14, URL]. (2) *Тебе земля ходи, нога топчи, след делай.* (Ты по земле ходишь, нога топчет, след делает) [14, URL]. Гольды в романе Н. П. Задорнова «Амур-батюшка» используют аналогичные грамматические формы глагола: (1) *Нам помогал! Бабка наш лецил... И тебе копье даем и от родового кремня кусочек.* (Бабка нас лечила) [13, с. 132]. Аналогично строятся предложения в высказываниях и других персонажей, например, китайца Ю-ю — героя повести П. А. Бляхина «Красные дьяволята», или китайца Гао Да-пу — одного и персонажей романа Н. П. Задорнова «Амур-батюшка». (1) *Мой карабай на твой башка стреляй будет!* (Мое ружье в твою голову стрелять будет) [12, URL]. (2) *Ангу надо русской бабой сделать... Тебе деньги не жалей...* (Ты деньги не жалей...) [13, с. 76]. В русском простом предложении прямое дополнение занимает традиционно постпозиции по отношению к предикату.

Соотношение грамматических форм русского языка с национальным проявляется не только в синтаксической организации высказываний, но и в специфической трансформации отдельных грамматических форм. Для нанайского языка, как для большинства тунгусо-манчжурских (и многих других древних языков), характерна категория посессивности [16, с. 32] с активно проявляющимся лично-притяжательным склонением — когда обозначение субъекта четко соотносится либо совпадает с обозначением принадлежности. Этот аспект определяет использование русскоязычных притяжательных местоимений для обозначения субъекта 1, 2 и 3-го лица.

(1) *Моя думай, в этом месте черт живи.* (**Я** думаю) [14, URL]. (2) *Сегодня ночью наша звезды посмотри.* (**Мы** посмотрим) [14, URL]. (3) *Его вредный люди.* (**Он** вредный человек) [14, URL]. (4) *Его был смирный люди.* (**Он** был смирный человек) [14, URL].

(5) *Мой знал. Кого мешок тащил. А твой молчать, шайтан!* (**Я** знал. Кого в мешке тащил. А **ты** молчи, шайтан!) [12, URL]. (6) *Мой не отстанет.* (**Я** не отстану) [12, URL].

(7) *Наша тебе, как братка. Наша не трогай, наша с тобой приятели...* (**Я** тебе, как брат. Меня не трогай, я тебе приятель... / **Мы** с тобой приятели) [13, с. 221]. (8) *Моя так всегда играй! Моя никогда не бей* (**Я** так всегда играю! **Я** никогда не бью) [13, с. 175]. (9) *Моя не надо! Моя мужик, моя не купец* (**Мне** не надо! **Я** мужик, **я** не купец) [13, с. 357]. (10) *И твоя самый дорогой мне друг* (**И ты** мне самый дорогой друг) [13, с. 378].

Показательным параметром языковой личности, для которой русский язык не является родным, служит употребление глагола. Система глагольных форм в русском языке носит достаточно сложный характер в силу своей видо-временной разветвленности, а также в соотношении с категориями склонения, лица и числа. Освоение всех форм глагола требует функционально-прагматической обусловленности изменения окончания глагола и/или применения формообразующих суффиксов. При этом понятийно-ментальное представление о соотношении действующего лица, действия, обозначаемого глаголом, и условий реализации действия далеко не всегда может совпадать для говорящего в рамках родного и неродного (в нашем случае — русского) языков. Так, в нанайском языке предикативные формы чаще всего заканчиваются на гласную букву, связочные глаголы заканчиваются на -И, а причастные формы на -Й [1; 14, с. 9–11], поэтому восприятие личных окончаний глагола в формате -ем / -им, -еишь / -ишь, -ет / -ит, -ут / -ют / -ат / -ят представляет сложности для человека, не имевшего возможности естественного усвоения грамматической системы глагольных форм русского языка (например, при длительном проживании в среде функционирования как минимум двух языков) и не получившего навыка спряжения глагола, например путем получения образования. Поэтому Дерсу Узала строит высказывания, используя формы повелительного склонения русского глагола, в наибольшей степени по внешнему (буквенно-звуковому) оформлению совпадающие с соответствующими

грамматическими явлениями нанайского языка. (1) *Ночь кончайИ, след посмотриИ, тогда понимаЙ.* (Ночь кончится, посмотрю следы, тогда пойму) [14, URL]. (2) *Шибко жалко старика. Сколько раз к морю ходИ, рыбу кричиИ.* (Очень жалко старика. Сколько раз к морю ходил, рыбу звал) [14, URL]. (3) *Ночью домой не ходИ, что ли чорта, боиза твоя?* (Ночью домой не идешь, что ли, черта боишься ты?) [13, с. 139]. Показательно, что грамматическое взаимодействие языков в рассматриваемом контексте носит двунаправленный характер. Так, бабушку Дарью — русскую женщину, до переселения в Сибирь, не имевшую опыта общения с инородной культурой, — «*постоянное общение с гольдами так приучило ... к ломаному языку, что она даже кошке, стащившей с шестка кусок лосиного мяса, говорила: — Чего твоя балуЙ? <...> Вот я тебя ножом мало-мало секИ-секИ...*» [13, с. 127].

Помимо использования глагольных форм, заканчивающихся на -И/-Й, в речи персонажей-инородцев встречаются формы, заканчивающиеся на -У/-Ю, которые с позиций русской грамматики квалифицируются как характеризующие соотносимые с субъектом действия — форма 1-го лица единственного числа: *хочу, буду, могу*. Данные формы используются только в качестве модально-связочного компонента в конструкциях, содержащих сказуемое составного глагольного типа. При этом они занимают постпозицию по отношению к смысловому глаголу и не позволяют определить субъект действия, т. е. не могут использоваться, например, в односоставных предложениях.

(1) *Теперь моя хочу утку гоняЙ.* (Теперь я хочу утку добыть) [14, URL]. (2) *Другой раз тут моя спи не хочу!* (В другой раз тут я не хочу спать) [14, URL] — субъект 1-го лица. (3) *Тебе ходи не хочу — моя стреляй, тогда виноват не буду.* (Ты не хочешь уходить — я стреляю, тогда не буду виноват) [14, URL]. (4) *Такие люди в сопках живи не могу — скоро пропади.* (Такие люди в сопках не могут жить — скоро пропадут) [14, URL] — субъект 3-го лица множественного числа. Можем предположить, что глагольные формы, оканчивающиеся на -У/-Ю, служат в нанайском языке своеобразными маркерами вспомогательного действия, соотносимого с определенными условиями репрезентации действия в окружающем пространственно-временном или идейно-тематическом контексте.

Герои художественных произведений, являясь представителями наций и/или народностей, придерживающихся культурных традиций Дальнего Востока (религиозных, социально-культурных, бытовых) и говорящих на тунгусо-манчжурских или сино-тибетских языках, приобретая начальные навыки устной русской речи или даже имея достаточно высокий уровень владения русским языком, грамматически ориентируются на формы и синтаксические конструкции родного языка. Факторами данного процесса являются следующие: специфическая позиция объекта по отношению к предикату в рамках конструкции «субъект – объект – предикат», определяемое функционированием категории посессивности смешение местоимений личного и притяжательного разрядов, адаптация

системы глагольных форм (спряжения) в соответствии со сходными в фонетическом и грамматическом отношении формами родного языка говорящего.

Тенденция грамматической соотнесенности и адаптации форм русского языка и родного языка, естественно, характерна не только для носителей на-найского, китайского, японского языков, но и для говорящих на других языках, структурная природа которых отличается от русской грамматики [1; 11; 17]. Экспериментальные исследования текстов различных типов, анализ специфики речи лиц различных национальностей позволяет сделать предположение об универсальности обозначенной тенденции, которая может проявляться как амбивалентная. Так, речь носителей русского языка может характеризоваться определенными нюансами не только фонетического типа (так называемый акцент), но и грамматического. Данный аспект межкультурного и межъязыкового взаимодействия носит гипотетический характер и представляется перспективным для научного и прагматико-методического исследования, в частности в области оценивания качества коммуникативной, в том числе иноязычной, компетенции [18].

В то же время вполне можно выявить специфическое влияние, например, классических языков на развитие русского языка [9] и критически подойти к вопросам взаимодействия русской и английской грамматики в условиях глобализации: исследование речи реального носителя современного русского языка и/или персонажа современной русскоязычной литературы также может выявить/подтвердить идею грамматической специфики речи говорящего в условиях двуязычия (поликультурности).

Хотя необходимо отметить и тенденцию нивелирования языковой репрезентации (фонетической и грамматической) персонажей художественных произведений современной русскоязычной литературы: например, герои романа Алексея Иванова «Тобол. Много званых» — остяки — показаны как носители своеобразной остяцкой (хантыйской) культуры, для которых родным является, естественно, остяцкий язык. Однако, несмотря на то что в романе описывается начальный период освоения территории остяков русскоязычными переселенцами, речь остяков не отличается существенно от речи русских солдат, казаков, священнослужителей. То есть, на наш взгляд, не используется уникальная возможность характеристики героя через его речь — специфический инструмент демонстрации интеллекта и психологии героя, репрезентант «архива знаний» [19, р. 169]. Возможно, это объясняется устремленностью русской литературы в контекст глобалистической культуры, что парадоксально подтверждает идею о значимости грамматики для формирования, развития, сохранения национальной идентичности как персонажа художественного произведения, так и реального носителя определенной национальной культуры, отраженной прежде всего в языке.

Список источников

1. Аврорин В. К. Грамматика маньчжурского письменного языка. СПб.: Наука; 2000. 243 с.
2. Тарева Е. Г., Викулова Л. Г., Макарова И. В. Инновационное моделирование кейсов по межкультурной коммуникации. *Бизнес. Образование. Право*. 2018; 4 (45): 398–404.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Едиториал УРСС; 2003. 263 с.
4. Сигал К. Я. Некоторые замечания о языковой личности в синтаксическом преломлении. *Язык. Текст. Дискурс. Научный альманах*. Вып. 15. Ставрополь; 2017: 52–58.
5. Попова М. К. Проблема национальной идентичности и литература. *Вестник ВГУ. Серия 1: Гуманитарные науки*. 2001; (2): 45–48.
6. Викулова Л. Г., Серебренникова Е. Ф., Вострикова О. В., Герасимова С. А. Лексемы IDENTITE / ИДЕНТИЧНОСТЬ как элементы универсумов человека и языка: этносемиотрический и аксиологический аспекты интерпретации. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2020; 2 (831): 30–42.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена; 2002. 477 с.
8. Сарбаш Л. Н. «Инонациональное» в русской литературе XIX века: чувашаи в творчестве Н. С. Лескова и Н. Г. Гарина-Михайловского. *Филология и человек*. 2013; (1): 32–41.
9. Скоропадская А. А. Поэтика иноязычной речи в рассказе И. С. Шмелева «Гассан и его Джеджи». *Проблемы исторической поэтики*. 2018; 16 (4): 157–173.
10. Шаталова О. В. Синтаксическая характеристика языковой личности: монография. 2-е изд., испр. и доп. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина; 2020. 187 с.
11. Стойнова Н., Оскольская С. Нанайский язык. Исчезающий язык жителей Приамурья. *Постнаука*. URL: <https://postnauka.ru/longreads/155732> (дата обращения: 12.12.2010).
12. Бляхин П. Красные дьяволята. Новосибирск: Западно-Сибирское изд-во; 1968. 128 с.
13. Задорнов Н. Амур-батюшка. М.: Молодая гвардия; 1952. 474 с.
14. Арсеньев В. К. Дерсу Узала. *Собр. соч.*: в 6 т. Т. I. Под ред. ОИАК. Владивосток: Альманах «Рубеж»; 2007. 704 с.
15. Нанайский язык. URL: <http://lingsib.iea.ras.ru/ru/languages/nanai.shtml> (дата обращения: 02.02.2021).
16. Краснощеков Е. В. Возникновение и развитие категории посессивности: монография. Чебоксары: Среда; 2019. 84 с.
17. Суник О. П. Очерки по синтаксису тунгусо-маньчжурских языков. *Ленинград*; 1947. 202 с.
18. Современные средства оценивания качества иноязычной компетенции: теория и практика / Г. В. Сороковых, Т. И. Жаркова, А. М. Герасимова [и др.]. М.: Учебный центр «Перспектива»; 2019. 280 с.
19. Vikulova L. G., Tareva E. G., Gerasimova S. A. et al. Retrospective semiometrics of the sign valeur. *Xlinguae*. 2020; 13 (1): 169–183.

References

1. Avrorin V. K. Grammatika man`chzhurskogo pis`mennogo yazy`ka. SPb.: Nauka; 2000. 243 s. (In Russ.).
2. Tareva E. G., Vikulova L. G., Makarova I. V. Innovacionnoe modelirovanie kejsov po mezhkul`turnoj kommunikacii. *Biznes. Obrazovanie. Pravo*. 2018; 4 (45): 398–404.
3. Karaulov Yu. N. Russkij yazy`k i yazy`kovaya lichnost`. M.: Editorial URSS; 2003. 263 s. (In Russ.).
4. Sigal K. Ya. Nekotory`e zamechaniya o yazy`kovej lichnosti v sintaksicheskom pre-lomlenii. *Yazy`k. Tekst. Diskurs. Nauchny`j al`manax*. Vy`p. 15. Stavropol`; 2017: 52–58. (In Russ.).
5. Popova M. K. Problema nacional`noj identichnosti i literatura. *Vestnik VGU. Seriya I: Gumanitarny`e nauki*. 2001; (2): 45–48. (In Russ.).
6. Vikulova L. G., Serebrennikova E. F., Vostrikova O. V., Gerasimova S. A. Leksemy` IDENTITE / IDENTICHNOST` kak e`lementy` universumov cheloveka i yazy`ka: e`tnosemi-ometricheskij i aksiologicheskij aspekty` interpretacii. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarny`e nauki*. 2020; 2 (831): 30–42. (In Russ.).
7. Karasik V. I. Yazy`kovej krug: lichnost`, koncepty`, diskurs. Volgograd: Peremena; 2002. 477 s. (In Russ.).
8. Sarbash L. N. «Inonacional`noe» v russkoj literature XIX veka: chuvashi v tvorcestve N. S. Leskova i N. G. Garina-Mixajlovskogo. *Filologiya i chelovek*. 2013; (1): 32–41. (In Russ.).
9. Skoropadskaya A. A. Poe`tika inoyazy`chnoj rechi v rasskaze I. S. Shmeleva «Gassan i ego Dzheddi». *Problemy` istoricheskoy poe`tiki*. 2018; 16 (4): 157–173. (In Russ.).
10. Shatalova O. V. Sintaksicheskaya karakteristika yazy`kovej lichnosti: monografiya. 2-e izd., ispr. i dop. ElecZ: ElecZkij gosudarstvenny`j universitet im. I. A. Bunina; 2020. 187 s. (In Russ.).
11. Stojnova N., Oskol`skaya S. Nanajskij yazy`k. Ischezayushhij yazy`k zhitelej Priamur`ya. *Postnauka*. URL: <https://postnauka.ru/longreads/155732> (data obrashheniya: 12.12.2010). (In Russ.).
12. Blyaxin P. Krasny`e d`yavolyata. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe izdatel`stvo; 1968. 128 s. (In Russ.).
13. Zadornov N. Amur-batyushka. M.: Molodaya gvardiya; 1952. 474 s. (In Russ.).
14. Arsen`ev V. K. Dersu Uzala. *Sobr. soch.*: v 6 t. T. I. Pod red. OIAK. Vladivostok: Al`manax «Rubezh»; 2007. 704 s. (In Russ.).
15. Nanajskij yazy`k. URL: <http://lingsib.iea.ras.ru/ru/languages/nanai.shtml> (data obra-shheniya: 02.02.2021). (In Russ.).
16. Krasnoshhekov E. V. Vozniknovenie i razvitie kategorii possessivnosti: monografiya. Cheboksary`: Sreda; 2019. 84 s. (In Russ.).
17. Sunik O. P. Ocherki po sintaksisu tunguso-manchzhurskix yazy`kov. Leningrad; 1947. 202 s. (In Russ.).
18. Sovremenny`e sredstva ocenivaniya kachestva inoyazy`chnoj kompetencii: teoriya i praktika / G. V. Sorokovy`x, T. I. Zharkova, A. M. Gerasimova [i dr.]. M.: Uchebny`j centr «Perspektiva»; 2019. 280 s.
19. Vikulova L. G., Tareva E. G., Gerasimova S. A. et al. Retrospective semiometrics of the sign valeur. *Xlinguae*. 2020; 13 (1): 169–183.

Информация об авторе

Ольга Васильевна Шаталова — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, методики его преподавания и документоведения Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина.

Information about the author

Olga V. Shatalova — Doctor of Philology, docent, professor of the Russian language, teaching methods and records management department, Yelets State University named after I. A. Bunin.